

Людмила Александровна Максименко

Омский государственный медицинский университет, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, Омск, Россия
e-mail: msw60@yandex.ru

Сергей Петрович Назаров

Омский государственный медицинский университет, ассистент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Омск, Россия
e-mail: 911-service@mail.ru

Елена Валерьевна Пастухова

Омский государственный медицинский университет, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Омск, Россия
e-mail: lyisyakova@mail.ru

Нарративизация и наука: интерпретации и асимметрии

Аннотация. В статье анализируется процесс нарративизации и интерпретации языка науки, а также асимметрии их вариантов, отражающих социально-экономические процессы в период перехода к цифровому обществу, внешне характеризующемуся клиповостью мышления и геймификацией познающего субъекта. В работе утверждается, что познавательный аспект развлечений требует своего анализа и систематизации не только как открывающаяся способность учиться новому и развиваться, но и как средство манипуляций научным знанием с его выхолащиванием и даже утратой научности. Установлено, что нарратив — это путь и результат познания, что наука неизбежно подвергается нарративизации, а ее характер и направление зависят от моделей развития общественного производства, которые создают соответствующие метанарративы.

Ключевые слова: нарратив, асимметрия, язык науки, цифровизация, геймификация, асимметричность нарративов, языковая личность.

Lyudmila A. Maksimenko

Omsk State Medical University, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Omsk, Russia
e-mail: msw60@yandex.ru

Sergey P. Nazarov

Omsk State Medical University, Assistant of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Omsk, Russia
e-mail: 911-service@mail.ru

Elena V. Pastukhova

Omsk State Medical University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Omsk, Russia
e-mail: lyisyakova@mail.ru

Narrativisation and Science: Interpretations and Asymmetries

Abstract. The article analyzes the process of narrativisation and interpretation of the scientific language through narratives in modern realities, as well as the asymmetries of their variants, reflecting socio-economic processes during the transition to a digital society, externally characterised by clip-like thinking and gamification of the cognizing subject. The paper argues that the cognitive aspect of entertainment requires its own analysis and systematisation, not only as an opening

© Максименко Л. А., Назаров С. П., Пастухова Е. В., 2024

Для цитирования: Максименко Л. А., Назаров С. П., Пастухова Е. В. Нарративизация и наука: интерпретации и асимметрии // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (45). С. 19–25. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-45-19-25

ability to learn new things and develop, but also as a means of manipulating scientific knowledge with its emasculation and even loss of scientific character. It was established that the narrative is the path and result of cognition and science is inevitably subject to narrativisation, and its nature and direction depend on the models of development of social production, which create appropriate metanarratives.

Keywords: narrative, asymmetry, language of science, digitalisation, gamification, asymmetry of narratives, linguistic personality.

Введение (Introduction)

Язык культуры, образования и науки на современном этапе становления принципов шестого технологического уклада [1, с. 159–166] становится той реальностью, через призму которой не только выявляются изменения самой языковой личности, но и происходит смена парадигмальных установок всего общества. При этом множественность реальностей закрепляется и становится обычным делом не только в культурном пространстве, но и в образовательном и научном сообществах, в социальных сетях и виртуальных мирах. В дополнение к языку, который отражает и виртуализирует в себе реальность, нарративность нивелирует и заменяет собою всю действительность, стремясь занять и заместить онтологическое пространство бытия. Постараемся разобраться в том, как этот транзитивный период находит свое отражение в языке науки.

Методы (Methods)

В исследовании нарративизации научного языка положено понимание того, что необходимо уловить не просто явление, а процесс. В то же время невозможно оставить без внимания и то, что непрерывно происходят изменения его динамических характеристик, скорости, направления, ритмов. Феноменологически можно зафиксировать эти состояния в моментах, что в последующем позволяет развернуть на линии времени весь исследуемый процесс и провести его спектральный анализ. Такого рода диалектика приводит исследование к необходимости герменевтических оценок смыслов и их восприятий, а также уделения внимания социокультурным и политэкономическим реалиям конкретного исторического момента. Язык науки, как и вообще человеческий язык (естественный язык), не только средство отображения и мыслительной работы с реальностью, но и средство, которым проектируются как изменения этой реальности, так и даже создание новых реальностей. В силу этого в исследовании используются в том числе и постмодернистские методы анализа.

Литературный обзор (Literature Review)

В рамках литературного обзора отметим, что еще лет 15–20 назад о нарративе в науке писали с большой осторожностью. В. А. Шкуратов заявлял о наррадигмальном характере психологических и исторических наук [2], Й. Брокмейер и Р. Харре говорили о нарративном повороте в науке [3] и о передаче знания посредством речи [4]. А. Г. Карабаева описывала, как это работает на материале языковых дисциплин [5]. В. А. Глухих исследовала стратегии развития образования в условиях VUCA-мира [6, с. 53–54], а Е. В. Пирайнен затрагивает принципы BANI-мира [7, с. 296]. «Шоуизацию» общества отмечал В. В. Гопко [8, с. 46–52].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Современные научные журналы наполнены заголовками об экологическом, химическом, физическом и математическом нарративе, идет систематическое и непрерывное вытеснение научным нарративом прежних форм изложения и представления действительности. Нарративизация языка науки снижает уровень объективности, однозначности и даже верифицируемости в классическом ее понимании. Таким образом, язык науки перестает быть той почвой, на которой строился весь фундамент строго научной доказательной базы.

Язык репрезентации науки вслед за языком любого другого взаимодействия в обществе тяготеет к фрагментарности, неоднозначности, нестабильности и клиповости мышления. В то время когда VUCA-мир (англоязычная аббревиатура от слов volatility — нестабильность, uncertainty — неопределенность, complexity — сложность и ambiguity — неоднозначность, двусмысленность) [6, с. 53–54] сменяется стратегией субъективной устойчивости BANI-миром (brittle — хрупкий, anxious — тревожный, nonlinear — нелинейный, incomprehensible — непостижимый) [7, с. 296], мы понимаем, что, не успев еще осознать одних парадигм, сталкиваемся с новыми и новыми. Так как все меняется и переосмысливается в принципах девиза *mobilis in mobile*, следует непрерывно искать свежие интерпретации и подходы, а вместе с ними и методологии описаний и рассуждений.

Мир цифры, сменяющий аналоговый способ линейного непрерывного и логически последовательного обдумывания, рвет на дискретные части все, до чего он только может дотянуться, а дотрагиваясь, воспроизводит и потенциально бесконечно тиражирует, таким образом с легкостью заявляя свои права на подмену этим уже оцифрованным нарративом самой действительности. Как следствие, происходит не просто удвоение мира, где мир виртуального не только начинает жить своей жизнью, но виртуальный мир становится более выпуклым и привлекательным, хотя и не идентичным действительности. Внимательный наблюдатель обнаруживает признаки такой асимметрии к объективной реальности, как если бы мы сопоставляли отражение в плоском и параболическом зеркалах.

Такая асимметрия приводит к занимательным последствиям. Функцию языка науки начинает выполнять нарратив, который совсем незадолго до этого считался исключительно языком повседневности, поэзии, беллетристики, других форм искусства и противопоставлялся научному дискурсу. Теперь же наука от обезличенного и тяготеющего к объективности состояния «мы» стремится к субъективному «я». Это не просто нарушение стилистики, а явление более глубокое. Такое изменение языка науки несет в себе двойственные последствия: с одной стороны, он отдаляется от строгости и четкости научных формулировок, логической последовательности

хода рассуждений и сложно составленной доказательности выводов, но, с другой стороны, эти самые доказательства в их упрощенном виде становятся доступными и субъектам, не включенным не только в конкретное научное сообщество, но и вообще в научный дискурс.

Познающим субъектом может быть не только человек или творческий коллектив, но даже и человеческий род. «Наука — это сознание рода. В жизни мы имеем дело с индивидами, — напоминает Л. Фейербах, — в науке — с родом» [9, с. 24]. Разворачивающаяся на наших глазах революция в области искусственного интеллекта с осторожностью вынуждает нас признать его в качестве субъекта. Да, искусственный интеллект еще относительно примитивен, по аналогии с человеческим разумом, который проходил стадии своего формирования и развития в течение миллионов лет.

Также признаки асимметричности проявляются в субъективизации научного знания и научного языка как существенной характеристики в случае исследования не только литературы или кинореальности, но и точных наук. Если об оценочности суждения о культуре или искусстве возможно было заявлять с точки зрения языковой личности как субъекта и в целом заявлялось, что «о вкусах спорят», в рамках общественного обсуждения той или иной картины, музыкального произведения, выставки или концерта, то в языке науки также возрастает роль субъекта. Наглядными примерами могли бы послужить книги, лекции и выступления Ричарда Фейнмана, Льва Ландау, Стивена Хокинга и других ученых. Их экспертное мнение или эмоциональная оценка научного события создавали некую волну интереса, резонанс и вне научного сообщества. С одной стороны, это работало на популяризацию, а, с другой стороны, кто ответит на вопрос «Где заканчивается популяризация и начинается профанация?».

Размывая научность, нарратив тем не менее способен служить делу вовлечения людей в науку и через возбуждение любопытства развивать эмоциональный и культурный интеллект, мотивируя к изучению сложного языка науки.

Оценочностью интерпретаций и критичностью мышления должна характеризоваться языковая личность, прежде всего, в области образования и науки. В частности, это выражается в том, что современный исследователь в своей работе опирается на разработки той или иной школы, научного сообщества или отдельной личности исследователя.

Еще чаще ссылка происходит на взгляды и рассуждения одного субъекта, автора или интерпретатора теорий, которые, скорее всего, открыты не им, но им проработаны и детально воплощены в действительность так, что своими порой безапелляционными заявлениями и исследованиями переворачивают представления о мире с ног на голову. Более того, роль интерпретатора в эпоху цифровизации резко возрастает в силу того, что в общественный дискурс до сих пор не введены результаты многолетних исследований, которые все это время обсуждались исключительно в рамках научного дискурса и ввиду сложности научного языка, его восприятия были недоступны для понимания.

В случае пренебрежения к интерпретации и недооцениванию роли интерпретатора, его место начинают занимать

случайные люди, часть которых назвали «наивными лингвистами». Примерами таковой деятельности могут стать «фоменковщина» или «задорновщина».

Мировоззрения языковой личности и сообщества в целом, в том числе и научное мировоззрение, и научное сообщество, так же как и любой другой нарратив, например, дизайн- или гейм-пространства, подчиняется условиям VANI-мира, субъективное пространство и время которого еще более размыты, чем неопределенность, неоднозначность, нестабильность и сложность VUCA-мира. В 2022 г. в ЛЭТИ проходит философская и языковая конференция «Коммуникация — Информация — Общество», которая посвящается VUCA-реальности, вернее реальностям, которые присущи в том числе и языку науки. Большая часть работ посвящена цифровизации, фрагментарности и разорванности общего поля исследований в обществе и в науке. Это все оказывается внутри нарратива науки, правильнее даже будет сказать внутри нарративов. Если в конце XX — самом начале XXI в. актуально было исследовать меганарратив как некий хронотоп, точку пересечения пространства и времени в определенном культурном срезе, то язык науки последних 10–15 лет — это не только химические или психологические нарративы, это нарративы И. Ньютона в классической физике, Н. И. Лобачевского и Б. Римана в неевклидовых геометриях или Д. Уотсона и Ф. Крика в открытии структуры ДНК. Теперь это открытие позволяет определить принадлежность к той или иной национальности, исторической культуре и даже территориальной принадлежности.

Более того, сегодня мы уже с уверенностью можем говорить не только о том, что нарративы создают собственную активную асимметричную реальность, но и о том, что эти нарративы воздействуют и на действительность, формируя свои правила, характеристики и функции в рамках той или иной реальности, выходя за ее пределы и даже становясь самой действительностью. Очень ярким примером такого претворения нарратива в созданный мир становится история школы единоборств «Чой», публикации о которой, за авторством целого коллектива, начиная с 1988 г. в журнале «Техника молодежи» рассказывали о якобы более чем 100-летней школе ушу. Эта история школы на самом деле была выдумана для придания популярности комплексу упражнений, изначально разработанному Г. Поповым для боевого применения в воздушно-десантных войсках. Воодушевленное этой мистификацией целое поколение спортсменов выросло на данном комплексе, и в ходе соревнований ученики этой по-настоящему эффективной школы выигрывали значительную часть призовых мест. Медийные теперь уже личности в силу разных причин вынуждены признать, что школы «Чой» и не существовало никогда в азиатском мире восточных единоборств. Но тогда в конце 1980-х гг. советский читатель уже поверил в это настолько, что воплотил в жизнь и данную сконструированную реальность, воссоздав ее так, как и не снилось никаким тибетским монахам.

Не менее ярким примером активной асимметрии нарратива и воплощению его в действительности может послужить история создания Государства Израиль, которое было создано в какой-то степени на основе модернистского прочтения древнего религиозного нарратива

о появлении Машиаха, благодаря которому все евреи соберутся в Земле Израильской. Политический сионизм, взяв в основу принцип политической нации, эклектически слил в себе как легенды о возможности возвращения в мифологизированное пространство этноцентра (по Вильгельму Мюльману), Палестину, по прошествии почти двух тысяч жизни вне этой территории; так и самые современные на тот момент социал-демократические идеи об устройстве эффективного общества. В итоге после написания Т. Герцлем политического сочинения «Еврейское государство» [10] в 1895 г. был созван Всемирный еврейский конгресс, который принял концептуальное решение о воссоздании государственности. В дальнейшем, чуть более чем через 50 лет, в 1948 г., было провозглашено создание нового государства, а искусственно воссозданный древний язык иврит стал на его территории обязательным к применению.

Как бы странно это ни звучало, нарратив как язык науки находит свое применение и в точных науках, в том числе в математике, физике. Так, например, он может быть использован для того, чтобы ученики понимали математические концепции, и не только тогда, когда они применяют их в решении абстрактных задач, но и чтобы могли осознавать прикладное значение этих задач, формул, уравнений и неравенств. Среди прочего, представления, раскрываемые ходом решений школьных задач, могут характеризовать их специфику понимания реальности. Анекдотические «полтора землекопа» как нельзя лучше это показывают.

Значит, нарративный анализ может помочь исследователям понять, как ученики могут использовать свои математические знания в реальной жизни. Нарратив в целом как язык науки и нарративный анализ в частности может быть полезным инструментом для изучения хоть математики, хоть физики, а также возможно и его применение в различных контекстах, пластах действительности и виртуальной жизни, местах пересечения различных мировоззрений, познания окружающего мира. Например, для изучения того, как ученики понимают геометрические концепции, такие как углы и пропорции, или же осознания, что землекоп может измеряться только в натуральных числах.

Исследователь может пройти с учениками по всей цепочке их умозаключений, чтобы точно выяснить, как они представляют эти концепции, как они применяют их в решении задач и где возможны ошибки, которые и приводят к полуторазземлекопному ответу.

Другой пример — использование нарративного анализа для изучения того, как ученики применяют математические знания уже в реальной жизни. Самое элементарное использование математических знаний в повседневной жизни происходит при покупках или при решении обыденных финансовых задач, уровня «накопить денег на покупку».

Так же, но уже в деятельностном аспекте, нарративный анализ может быть использован для изучения того, как ученики решают математические задачи, например, мастера скворечника. Исследователь обращает свое внимание на углы, пропорции, способность рационально рассчитать материал, соответствие чертежу и вообще самой идее скворечника.

В целом нарративный анализ может быть полезным инструментом как для соотнесения логики математики,

так и для ее применения в различных контекстах, позволяя исследователям лучше понимать, как ученики мыслят и применяют свои знания.

Развлекательный контент нарратива хоть и носит достаточно стихийный и неоднородный характер, но тем не менее начинает становиться чуть ли не обязательным компонентом любого, и даже университетского, образовательного процесса. Это приходит в виде далеко не всегда нужных, но требуемых по формальному признаку презентаций, проектов, фото- и видеоотчетов. Геймификация, которая проявляется сегодня как основная тенденция современного дистанционного образования и не только [11, с. 50–61], порой перерастающая в настоятельное требование разработки игрового или же иного, но яркого и привлекательного материала, апеллирует к тому, что это якобы способствует побуждению внимания и познавательного интереса к нему, а значит, и лучшему усвоению. Но в таком случае этот нарратив становится «криком», который представляет своего рода инструмент из разряда просодических средств, для расставления шокирующих акцентов, вызывающих сильные эмоции и даже катарсис. Мы помним о том, что героин появился как средство, подавляющее кашель, и эпизодическое его применение не выявляло опасности до тех пор, пока им не начали злоупотреблять, и вот теперь мы знаем это вещество как опаснейший наркотик. Если говорить в технических терминах, то высокий уровень входного сигнала загроубляет чувствительность приемного устройства, и оно уже не реагирует на сигнал нормальный, но уже несообразно слабый относительно той линии, с которой мы и соотносим показатели так называемого геймифицированного нарратива [12, с. 324–327].

Язык математики — это, пожалуй, единственный способ дать возможность четкого научного представления о том, как можно увидеть и понять невообразимое. Если мы, например, говорим об описании физических явлений, таких как физика атомного ядра, то никакие понятия с точки зрения естественного языка не дадут нам возможность вообразить, как это происходит в точности, учитывая, что само понятие точности в этой области невозможно (согласно принципу В. Гейзенберга) [13, с. 29]. Не менее невообразимыми являются принципы теории относительности (предельность скорости света, искривление пространства-времени, парадоксы близнецов). Если эти принципы переводить с языка математики на язык гуманитарных наук, то мы сталкиваемся с проблемой трансляции, а в нашем мышлении и языке нет таких категорий и понятий, поэтому мы вынуждены искать метафоры и аналогии, которые могут способствовать созданию хотя бы частичного представления о явлениях. Это выглядит так, как будто мы переносим трехмерную фигуру в виде проекции на плоскость, в то время как нам необходимо перенос именно научной многомерности (физики оперируют более чем 10-мерными пространствами в масштабах элементарных частиц) в естественный язык, дополняя его особой терминологией. Но проблема категорически усложняется, когда мы ведем популяризацию науки, нам необходимо рассказать об этом, почти исключив и математику, и терминологию со всей их непонятностью для обывателя. Протон никто не видит, и вообразить его можно только

посредством математического языка, но вот представить в виде некой наглядности категорически невозможно. Поэтому мы и строим допущения в привычной неискушенному человеку категориальной системе. Изображенная в учебнике физики резерфордовская модель атома дает определенную проекцию, но не отображает всю сложность атома.

По мнению Лиотара, проблема легитимации научного знания, в силу его сложности и непонятности для непосвященных, не менее важна, чем доказуемость в рамках языка науки. Нарратив мы используем как средство интерпретации научных истин. «Научное знание не может узнать и продемонстрировать свою истинность, если не будет прибегать к другому знанию — рассказу, являющемуся для него незнанием; за отсутствием оно, оно обязано искать основания в самом себе и скатываться таким образом к тому, что осуждает: предвосхищению основания, предрассудку» [14, с. 74]. Таким образом, мы решаем вопрос понимания и принятия научного знания людьми, чья повседневная деятельность не связана с той или иной наукой.

Представленная нами картина также служит своего рода лишь моделью, которая позволяет приоткрыть занавес. В различных науках — различная степень математизации, но в каждой есть и своя терминология, которая также доступна в полной мере только специалистам определенной области. Терминология каждой конкретной дисциплины может иметь омонимичные значения в других дисциплинах, и тем самым контекст определяет принадлежность текста к данной дисциплине.

С появлением социальных сетей процесс цифровизации коснулся практически каждого, появилась среда для ничем не ограниченного распространения нарратива. Теперь, когда любой желающий может не только репрезентировать себя и представить на всеобщее обозрение свой рассказ, но и получает в ответ жесты в виде лайков, смайликов, эмодзи (стикеры) или мемов. Самым простым из них является лайк, это минимальное действие, где достаточно единожды кликнуть мышью. Смайллки и эмодзи уже требуют выбора, а некоторые из них даже и приобретения/покупки. Мемы можно как создавать самостоятельно, в формате неподвижных изображений, анимированных (формат GIF), и видео, так и отыскивать популярные или наиболее совпадающие по смыслу поисковыми системами в интернет-«библиотеках». В некоторой степени они дополняют нарратив эмотивной составляющей, расширяя таким образом возможности пишущего и ускоряя написание и передачу сообщения, и привносят сверх того еще и оттенки их смыслов. Но мало того, иногда они выступают самостоятельно, подменяя собою текст, состоящий из букв, как своего рода иероглифическое и даже пиктографическое послание.

Следует отметить, что за мемами и их расширенными значениями стоят не только определенного рода контексты, но и подчас разница культур и мировосприятий, отражающих неоднородность бытия.

Читатель, таким образом, может оценивать нарратив и даже вести диалог с автором, рассказ превращается из монолога в своего рода многомерное видение реальности, получение оценок ее интерпретации. Но более того, в рамках диалога читатель может написать и комментарий,

в котором он поделится и своей историей. В итоге прежняя асимметричная структура меняет свой баланс, и читатель в какой-то мере становится не только соавтором, но и комментатором, мало того, даже своего рода редактором. И тогда важной оказывается способность автора к интерпретации, которая делает текст понятным или, наоборот, непонятным для читателя в зависимости от умения автора преподнести текст в категориях понятийного поля читателя. Для этого автор должен оперировать понятиями в более широких пределах.

Таким образом, говоря об авторе, мы одновременно говорим об интерпретации и популяризации науки, где и происходит наблюдаемый нами сдвиг. Читатель превращается в потребителя, а автор-популяризатор, который раньше брал читателя за руку и как наставник вводил его в мир науки, проходя путь от простого к сложному, теперь вынужден руководствоваться принципом «клиент всегда прав», тем самым низводя науку до уровня развлечения. Популярная наука становится своего рода шоу: химия предстает как фейерверк, физику демонстрируют с помощью мемов, объясняя парадоксы времени и пространства, историю подают как набор мифов, а все это в итоге уподобляется комиксам.

Значит, больше нет необходимости напрягаться и стараться вникнуть в сущностный аспект той или иной научной отрасли, достаточно затронуть поверхностный, но эффектно выглядящий гламурный или же, наоборот, треш-компонент. И тут важным критерием оценивания выступает количество просмотров, лайков и комментариев, что дает возможность прямой монетизации или иного преобразования в деньги, престиж и даже некую вытекающую из всего этого «власть» над умами. «Власть», основанную не на фактах и знании, а на эмотивных составляющих, которые позволяют ощутить «как бы» сопричастность и «как бы» понимание на уровне обывателя. Такое признание основано на вере, которая нередко в своей подоплеке имеет принцип отрицания. «Ученые все врут», — говорит свежеспеченный «пророк», и его возглас откликается в сердцах новых и новых адептов, ведь путь знания тернист и долг, а тут предлагается в течение 10–15 мин. не просто опровергнуть науку, а еще и стать «выше» тех, кто посвятил жизнь изучению соответствующей научной проблемы.

И такое становится возможным потому, что знание для массового человека уже перестает отвечать критерию Ф. Бэкона «Knowledge is power» («Знание — сила», или, как вариант, «Знание — власть»). В условиях деиндустриализации и отраслевого упрощения экономики упрощается и труд, востребованным становится труд неквалифицированный или же с ограниченным набором компетенций работника. Жесткая иерархия трудовых отношений, детерминированная правом собственности на средства производства, не предусматривает принятия решений стратегического или смыслообразующего характера, но, более того, даже и оперативных решений уровня выше своей строго обозначенной компетенции наемного работника. За счет внедрения автоматизации и роботизации снижаются требования к работнику, ему уже не нужно выполнять сложную работу, требующую длительного обучения и понимания глубинной сути

технологических процессов и фундаментальных знаний, стоящих за ними. Зачастую человеческий труд перемещается в логистику и в оказание услуг, где квалификация сводится не к знаниям, а к несложным и потому легко приобретаемым умениям и навыкам.

Можно сказать, с одной стороны, что нарратив в настоящее время во многом несет в себе развлекательный компонент, оказывая воздействие на реципиента на уровне ощущения, уводит из рационального в эмоциональное. С другой стороны, мы можем вспомнить одного из основателей жанра научной фантастики Жюль Верна, который в совместной работе с издательским домом Пьера-Жюль Этцеля написал 68 романов из серии «Необыкновенные путешествия». По статистике ЮНЕСКО, его книги являются вторыми по переводимости на разные языки. Девизом этой серии было «Развлекая, научаем». Многие его книги нашли отражение в различных экранизациях киностудий тех или иных стран. Каждая из них несет в себе свой посыл, но все их объединяет изначальный замысел автора, а пафос торжества науки, извечная борьба добра и зла, собранные воедино в парадигме приключенческого жанра, всегда привлекали подростков простыми и понятными моделями самоидентификации. Подросток как раз ищет себя, пытается идентифицировать себя с притягательными героями, которые архетипическими образами оживают на страницах полюбившихся произведений, а потом строит свой характер, отношение к жизни и к себе. В обязательном порядке среди этих героев есть человек науки, который раскрывает перед ним двери в «Мир принципиально возможных чудес», чудес, которые творят люди. Подростка увлекает процесс творчества, а сопереживание, получаемое в процессе чтения этих книг, оставляет послевкусие, побуждающее впоследствии желание ощутить вкус уже настоящего творчества, что очень часто приводило людей в мир науки. Жанр научной фантастики, продолженный в работах Герберта Уэллса, Айзека Азимова, Артура Кларка, Рэя Брэдбери, Алексея Толстого, Александра Беляева, Александра Казанцева, Аркадия и Бориса Стругацких, и далее поддерживал эту традицию гуманизма и вместе с тем дух здорового авантюризма и пафоса научных открытий.

Мы можем соотнести нарративы воображаемых миров с большими нарративами образа будущего. Своего рода прогностическая функция коррелируется с идеологиями, и этот нарратив оказывается в месте пересечения экстраполируемой в будущее истории, науки и соответствующего понимания гуманизма. Наглядно это было описано у братьев Стругацких в повести «Понедельник начинается в субботу», где показан образ железной стены между воображаемыми мирами советской и западной фантастики. Научная фантастика вырождается в экшен (Гарри Гаррисон), параллельно все большую популярность обретает жанр фэнтези, основоположником которого становится Дж. Р. Толкин. Автор, будучи профессиональным филологом, умело подошел к делу и, собрав архетипы героев, архетип пути испытаний, преодоления порога и возвращения домой и пр., создал поистине великие произведения. Но впоследствии его эпигоны, не обладая столь обширными познаниями и влекомые жаждой популярности, уже не утруждали себя глубо-

кой проработкой в духе логики мифа и ставили акцент на яркости и внешней привлекательности произведений. Таким образом, фэнтези, как «Мир принципиально невозможных чудес», теряет необходимую структурированность в угоду развлекательности. Этот жанр не дает моделей реальности, которые на самом деле ей (реальности) были присущи в той степени, чтобы ее характеризовать, так как мир этот принципиально невозможен, значит, он не может служить образом создаваемого будущего, поэтому легко становится пространством духовного эскапизма. Фэнтези как жанр легко собирает широкий читательский круг поклонников, но не выводит их в пространство деятельности и творчества.

По своему масштабу для современного читателя книги Толкина подобны гомеровской «Илиаде», где роль читателя не сводится лишь к созерцательному воспроизведению образов произведения, она включает в себя возможность реконструкции смыслов. Смысл «Илиады» греки находили в том, что при ее несомненной для себя подлинности (подтверждением подлинности и документальности служили детали, например длинный перечень кораблей) [15, с. 19–37], она для них могла служить историческим примером в борьбе с персами.

Было бы заблуждением считать, что именно происходящее в нарративе, это своего рода декадентство, детерминирует объективную реальность, но, как мы уже писали выше, в условиях деиндустриализации возникает проблема «лишних людей» без возможности их самореализации, для которых мир воображаемого становится своего рода отдушиной. Если брать аналогии из музыки, то этот самый мир воображаемого «звучит» в унисон с объективной реальностью.

Можно взглянуть на современный экономически быстроразвивающийся Китай, в котором мы наблюдаем научный, технологический, образовательный и социальный рост. Пафос науки и прогресса в китайской современной научно-фантастической литературе отражен в трилогии «Задача трех тел», «Темный лес» и «Вечная жизнь смерти» Лю Цысиня. Автор создает большой нарратив, выходящий каждый раз на новый уровень, начиная с личностного, переходит на социальный, а затем на масштабы Китая, всего человечества, сталкивающегося с вездесущим разумом, и далее на масштабы жизни во Вселенной, а также ее конечности. Наблюдаемая корреляция метанарратива с экономическим и научным рывком современного Китая может быть интерпретирована в терминах надстройки и базиса.

Заключение (Conclusion)

Подводя итоги, можем зафиксировать, что язык науки не един, каждая научная отрасль формулирует и структурирует знание, используя свою «отраслевую лексику». Отраслевые лексикон существуют в диапазоне асимметрий от фундаментальных, предельно математизированных наук до наук гуманитарных, опирающихся в своем пределе на общепринятый язык культуры. Лежащие на стыке разных дисциплин языки развиваются особенно активно, так как в связи с общим развитием современного научного знания, которому присуща, наряду с глубокой дифференциацией специальных дисциплин и соответственно их языков, диалектически обоснованная необходимость единой системы категорий,

к которой в универсализации и интеграции стремится современная наука. Задача гуманитарных наук отчасти как раз и состоит в этом объединении, интерпретации и растолковывании всех отраслей человеческого знания в пространстве нарративов как научного, так и обыденно-практического языка, что послужит делу легитимации знания.

Такое растолкование на другом его полюсе заключается в системности популяризации, которая с необходимостью должна стать одной из отраслей науки наряду с образованием. Эмотивная составляющая задает интенцию к раскрытию гносеологием [11, с. 50–61]. Популяризация позволяет

привлечь новые поколения будущих ученых к той или иной проблематике и задать вектор научного интереса. Образование дает знание, а популяризация впоследствии позволяет его сохранять и актуализировать, и тогда происходит «регенерация» знаний.

Важно отметить необходимость дальнейшего изучения феномена языковой личности и эго-нарратива, их функций в процессе популяризации науки, ведь уровень развития экономики коррелирует с метанарративами, и эта зависимость может быть интерпретирована в терминах надстройки и базиса.

Библиографический список

1. Авербух В. М. Шестой технологический уклад и перспективы России (Краткий обзор) // Вестн. Ставропол. гос. ун-та. 2010. № 71. С. 159–166.
2. Шкуратов В. А. Рассказывать и нормировать (горизонты свободы в нарративе) // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2002. № 1. С. 10–36.
3. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
4. Харре Р. Социальная эпистемология: передача знания посредством речи // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 49–60.
5. Карабаева А. Г. Нарратив в науке и образовании // Инновации и образование : сб. материалов конф. СПб. : С.-Петерб. филос. о-во, 2003. Вып. 29. С. 89–96.
6. Глухих В. А., Елисеев С. М. Стратегии развития образования в условиях VUCA мира // Информация — Коммуникация — Общество (ИКО — 2022) : тр. XIX Всерос. науч. конф. с междунар. участием. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. электротехн. ун-та, 2022. Т. 1. С. 53–57.
7. Пирайнен Е. В. Особенности роботизации в условиях BANI-мира // Информация — Коммуникация — Общество (ИКО — 2023) : тр. XX Всерос. науч. конф. с междунар. участием. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. электротехн. ун-та, 2023. С. 296–301.
8. Гопко В. В. «Шоуизация» общества // Человек в контексте эпохи : материалы регион. науч. конф., посвящ. 85-летию М. Е. Бударина. Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2005. С. 46–52.
9. Фейербах Л. Соч. : в 2 т. Т. 2 : Сущность христианства / пер. с нем. М. : Наука, 1995. 425 с.
10. Герцль Т. Еврейское государство. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1896. 104 с.
11. Пастухова Е. В. Нарратив в контексте субъективности : дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2005. 149 с.
12. Пастухова Е. В., Кондина А. С., Назаров С. П. Асимметрия эго-нарратива в условиях общества транзитивного периода // Информация — Коммуникация — Общество (ИКО — 2024) : тр. XXI Всерос. науч. конф. с междунар. участием. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. электротехн. ун-та, 2024. Т. 1. С. 324–327.
13. Гейзенберг В. Развитие квантовой механики // Гейзенберг В., Шредингер Э., Дирак П. А. М. Современная квантовая механика. Три нобелевских доклада. М. : Гос. технико-теорет. изд-во, 1934. С. 11–35.
14. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
15. Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича. Л. : Наука, 1990. 572 с.